

ПЕРВЫЙ Г.Л.

УДК 930.1(410.1+73):321.74

ОТСТАВКА ХРУЩЕВА В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статті розглядаються погляди зарубіжних істориків та політологів на події в СРСР жовтня 1964 р. Досліджуються зміни теоретичних моделей політичної системи СРСР під впливом відставки Хрущова.

Ключові слова: радянологія, СРСР, Хрущов, “відлига”, тоталітаризм.

В статье рассматриваются взгляды зарубежных историков и политологов на события в СРСР октября 1964 г. Исследуются изменения теоретических моделей политической системы СССР под влиянием отставки Хрущева.

Ключевые слова: советология, СССР, Хрущев, “оттепель”, тоталитаризм.

There are investigated points of view of foreign historians and politologists to the events of October 1964. There are shown changes to the theoretical models of the soviet political system of USSR implied by the Khrushchev's resentment.

Key words: sovietologists, USSR, Khrushchev, “thaw”, totalitarianism.

Современная политическая ситуация характеризуется острой политической борьбой финансово-промышленных группировок, представленных в парламенте политическими блоками, наличием легальной оппозиции. В условиях тоталитарного режима открытый конфликт был невозможен. Разногласия между политическими группировками прикрывались лозунгами единства политического руководства, нерушимостью блока коммунистов и беспартийных. Тем не менее, даже в подобных условиях, политические разногласия иногда выливались в открытый конфликт. Именно таким конфликтом стала отставка Первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева.

В советское время данная проблема оказалась “белым пятном” в истории КПСС и советского режима. В постсоветский период тема превратилась в полигон политических спекуляций, погони за дешевой сенсацией. Несмотря на немалое количество публикаций, тема еще не

получила объективного, взвешенного освещения.

Целью статьи является анализ взглядов представителей современной историографии, посвященных отставке Н.С.Хрущева.

Напомним обстоятельства отставки Хрущева.

Необходимость перемен витала в воздухе, многое подталкивалось проявлениями хрущевского субъективизма и волонтаризма. В июле прошел Пленум ЦК КПСС, о котором в открытой печати не сообщалось, и до сих пор далеко не все известно о его работе и решениях. На нем, в частности, был решен вопрос об освобождении Л. И. Брежнева от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР и перемещении его в секретари ЦК КПСС. На высший государственный пост был рекомендован «первый соратник» Никиты Сергеевича А. И. Микоян.

На Пленуме с большой речью выступил и сам Н. С. Хрущев. Он дал понять, что намеченный на ноябрь 1964 г. Пленум ЦК КПСС сосредоточится на проблемах новой реорганизации управления многострадального сельского хозяйства и реформы науки с возможной ликвидацией Академии наук СССР.

В этот период в деятельности Хрущева все больше появлялось повышенной эмоциональности, а нередко и самодурства, чем государственного ума и трезвого расчета. Его популярность то поднималась, то падала. При нем руководство беспорядочно металось из стороны в сторону, успешно настраивая против себя то либералов, то консерваторов.

Сам Н. С. Хрущев в последние годы своего правления, ощутив всю полноту власти, перестал считаться со своими «соратниками». Причем было совершенно недостаточно выполнять его волю, требовалось приспособляться к его необузданному норову и характеру, амбициозному и вспльчивому. Все были по горло сыты «перестройками и реорганизациями» неугомонного Никиты Сергеевича; основная масса функционеров мечтала о покое и стабильности. Хрущевские инициативы, которые сплошь и рядом сопровождались перетасовкой кадровой «колоды», не без основания воспринимались как новые невзгоды для обладателей руководящих кресел. Тем более, что главный борец против культа личности сам оказался носителем вируса этой заразы, пристрастившись как к наркотику к потокам лести и славословия в свой адрес [1].

К осени 1964 г. поддержка Н.С. Хрущева со стороны, высшей номенклатуры упала до критических отметок. Против него по всем правилам конспиративного искусства плелся заговор. Сейчас трудно сказать: был ли автором переворота лично Леонид Ильич Брежнев или это являлось плодом коллективного творчества с участием М. А. Суслова, А. Н. Косыгина. Вполне возможно,

что Брежнев осторожный и осмотрительный, не стоял у истоков заговора. Но с учетом расстановки сил в высшем руководстве только когда Брежнев примкнул к перевороту, у него появился шанс быть реализованным. Ведь именно Леонид Ильич методично и целеустремленно создавал и расширял базу собственного влияния, внедрял и насаждал своих сторонников в партийно-государственных структурах. При этом Брежнев щедро расплачивался за верность: одаривал высокими постами и наградами, почетными званиями [2]. Из всех членов Президиума ЦК КПСС только у Брежнева были надежные, испытанные и проверенные в многолетних партийных интригах кадры, способные пойти на политический риск во благо себя и своего шефа. Многие из них были его личными друзьями еще с комсомольских времен, и им бы не удалось сделать карьеры без покровительства Л. И. Брежнева [3].

Роли участников заговора были четко распределены. Мозговой трест составили Брежнев, Суслов, Косыгин. Одним из ведущих связников с местами был многоопытный функционер Н. Г. Игнатов. Он пустился в поездки по регионам, где зондировал настроения местного начальства и осторожно вербовал высшую номенклатуру в сторонники ниспровержения «волютариста». Одну из «первых скрипок» в заговоре играл хрущевский выдвиженец А. Н. Шелепин [4].

В октябре 1964 г. Н. С. Хрущев под благовидным предлогом был отозван из отпуска. Свержение его было настолько хорошо подготовлено, что, как рассказывали нам позднее его некоторые организаторы (например, В. С. Семичастный), не пришлось предпринимать никаких чрезвычайных мер безопасности. В течение всего октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС московский Кремль был открыт для свободного посещения. Практически сразу же с правительственного аэродрома Н. С. Хрущев был доставлен на заседание Президиума ЦК КПСС. На нем ему был

предъявлен ряд обвинений. Н. С. Хрущев обвинялся в развале сельского хозяйства; было заявлено, что согласно прогнозам американских специалистов, советские закупки зерна в капиталистических странах должны будут продолжаться до 2000 г. В том, что создание совнархозов себя не оправдало и привело лишь к ослаблению оборонной мощи страны; в широком применении практики единоличной необоснованной смены многих руководящих работников, члены же Президиума ЦК КПСС при Хрущеве играли будто бы роль простых исполнителей воли «волонтаризма», в разделении партии на городскую и сельскую, что было политически безграмотно. В окружении себя подхалимами, чье мнение ценилось Хрущевым выше мнения членов высшего руководства; в том, что в течение одного только года (1964) в газетах было опубликовано свыше 1 тыс. фотопортретов Хрущева, что было расценено как стремление к утверждению им культа своей личности; что с благословения Хрущева производился вывоз ценностей из страны на сотни тысяч рублей для подарков зарубежным деятелям за счет государственной казны; в то же время ряд полученных за границей подарков был присвоен Никитой Сергеевичем лично [5]. Свержение Хрущева было проведено достаточно легко. Однако, какие долгосрочные фундаментальные общественные преобразования провести в государстве, заговорщики явно не знали. Об отсутствии программы преобразований у противников свергаемого руководителя свидетельствовал, в частности, доклад М. А. Суслова на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС «О ненормальном положении, сложившемся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями Хрущева». В докладе не содержалось конкретного анализа положения дел в обществе и проведения необходимых конструктивных мероприятий. Зато содержалось много эпитетов по адресу «некоторых» лиц, близко стоявших к Хрущеву и «плохо влиявших»

на него. Особенно досталось его зятю А. И. Аджубею за его зарубежные вояжи. По ходу сообщения «посвященные» и обиженные Хрущевым с жаром восклицали: «Позор!» В докладе Суслова делался особый упор на два момента: во-первых, на то, что ему, Суслову, поручено изложить единодушное мнение членов и кандидатов в члены Президиума, ЦК, секретарей ЦК КПСС [6]. Правда, поначалу возникли определенные накладки. А. И. Микоян, например, предложил сохранить за Хрущевым пост Председателя Совмина, но, встретив решительное противодействие участников Пленума, тут же снял свое предложение. Второй момент — это заявление докладчика о том, что признав правильность критики в свой адрес, Хрущев просил руководство «не давать ему слова на пленуме». Но Суслов противоречил сам себе, когда далее говорил о том, что на заседании Президиума ЦК Хрущев подавал неправильные реплики, фактически отрицал критику в свой адрес и лишь под напором со стороны многих участников заседания перешел к обороне, потом прекратил сопротивление.

В конце своего доклада Суслов сказал: «Хрущев признал, что состояние здоровья и преклонный возраст не позволяет ему выполнять свои ответственные обязанности и просит освободить его от занимаемых постов». Докладчик зачитал письменное заявление Н. С. Хрущева Пленуму ЦК об отставке. Это весьма странно выглядело, так как «виновник» всего происшедшего находился тут же в зале. Но бывшие «ближайшие соратники» Никиты Сергеевича хорошо понимали, что с его стороны могут последовать непредсказуемые действия, да и среди членов ЦК КПСС накопилось немало недовольства своими лидерами (ведь до смещения Хрущева они беззастенчиво льстили «верному ленинцу», угодливо поддерживали все его успешные импровизации). Ввиду всего этого прения предпочли не открывать».

Отставка Хрущева вызвала оживленный интерес зарубежных политологов к проблеме природы советского строя. Ведь если стала возможной бескровная отставка первого лица государства, значит сложившаяся тоталитарная концепция уже более неприменима.

Как и исследователи общественных отношений в своих собственных странах, западные советологи довольно быстро размежевались по направлениям. Первое из них, близкое к элитистскому, имеет в качестве исходной посылки представление о советском обществе как об обществе-монолите, управляемом узкой группой высших партocrats во главе с харизматическим лидером. Оно по сути дела отрицает сколько-нибудь существенную политическую роль групповой активности в доперестроечном СССР. Наиболее яркими представителями этого направления в советологии явились известные американские политологи С.Фридрих и З.Бжезинский. Согласно их концепции, Советский Союз в течение всей истории своего существования являлся тоталитарным государством, партийно-государственная верхушка которого осуществляла безраздельный контроль над обществом и не допускала никакой политической самостоятельности [7]. Для сколько-нибудь ощутимой политической активности организованных интересов попросту не оставалось места, и она фактически отсутствовала. Следовательно, отставка Хрущева лишь эпизод, который не меняет сущности политического режима.

Ряд сторонников тоталитарной модели (Л.Шапиро, Р.Конквист и некоторые другие) [8] признали наличие влиятельных организованных интересов в СССР и даже конфликта между ними. Однако они не считали, что этот факт противоречит самой концепции тоталитаризма и ее родовым признакам, сформулированным Фридрихом и Бжезинским.

В течение довольно длительного времени тоталитарная концепция де-факто

признавалась и большинством тех, кто изучал те или иные конкретные аспекты советской политики и советской системы власти. Однако уже с середины 60-х гг. некоторые советологи обнаружили в “постсталинском” Советском Союзе наличие могущественных заинтересованных групп, активность которых, с их точки зрения, делала неправомерным применение тоталитарной модели к СССР. Немалое место в их аргументации занимали ссылки на отказ режима от террористических методов господства, на “коллективные” методы партийно-государственного руководства, на некоторую либерализацию режима. Но именно качественно новая активность заинтересованных групп рассматривалась ими как главный аргумент в пользу несостоятельности тоталитарной концепции и как фактор, позволявший говорить об особой разновидности “советского плюрализма”. Один из основоположников этой концепции, канадско-американский профессор Г.Скиллинг, писал, в частности, что политический процесс в коммунистическом мире есть не что иное, как “взаимодействие (interplay) интересов” [9].

Известный американский советолог Дж.Хаф заявил о себе как о стороннике сравнительно нового, “группового” подхода; он утверждал, что версия Бжезинского, будто советская политическая система уникальна и не имеет ничего общего с политическими системами Запада, носит чересчур общий характер и не может считаться пригодной для анализа ситуации послесталинской фазы развития СССР [10].

Хаф считал, что в основе политического взаимодействия в СССР лежит “бюрократический конфликт”, основными участниками которого являются специфические заинтересованные группы или “комплексы”, к каковым он прежде всего причислял министерства и ведомства, возглавлявшие наиболее влиятельные отрасли экономики, а также военных и

военно-промышленный комплекс в целом, подразделения аппарата ЦК, которые, как он писал, нередко выступают заодно с теми, кого они курируют. Что же до “обычных”, аналогичных западным, заинтересованных групп, т.е. профсоюзов, других общественных организаций, то они, писал он, либо отсутствуют вовсе, либо играют незначительную роль и не оказывают серьезного влияния на политический процесс. Оговариваясь, что взятый им на вооружение “групповой” и конфликтный подход всего лишь дополняет появившиеся к этому времени “другие модели” (напр., “направляемого общества”), Хаф тем не менее пытался сформулировать достаточно цельную концепцию, альтернативную тоталитарной, и сделал вывод, что Советский Союз развивается в направлении модели институционального плюрализма [11]. Принципы выработки и принятия решений в СССР, по Хафу, во многом сходны с теми, на которых основана плюралистическая модель в странах Запада. Основное отличие заключается в том, что там заинтересованные группы - это большей частью добровольные общественные объединения, тогда как в СССР - это возникающие в недрах самой системы институциональные структуры. Но поскольку эпитет “институциональный” данное отличие фиксирует, формула в целом представлялась автору вполне адекватной. Хаф утверждал, что советская система после смерти Сталина - “парламентская система особого типа”, где Центральный комитет есть парламент, перед которым ответственны “кабинет”, т.е. политбюро, и лидер, т.е. генсек.

Под термином “плюрализм” Хаф понимает не только систему взаимодействия заинтересованных групп с высшими властными структурами, но и “правила игры”, характерные для политической системы в целом.

Сторонники тоталитарной модели внесли в свою концепцию поправку, которая заключалась в признании существования в

СССР влиятельных заинтересованных групп. Значительно более интересной и содержательной критике плюралистическая модель была подвергнута со стороны советологов, явившихся сторонниками той же “теории интересов”, но уже принадлежавших к сравнительно новой, “корпоративистской” ее разновидности. Пожалуй, наиболее четкое изложение позиций этого направления советологов представлено в главе В.Брус и Дж.Эхолса “Советская политика в эру Брежнева: плюрализм или корпоративизм” [12]. Соглашаясь с Хафом и другими “плюралистами” относительно “модификации” режима в этот период, авторы решительно отвергли предложенную им интерпретацию происшедших изменений и утверждали, что отправной постулат плюралистической модели (а именно сведение роли высшей партийно-государственной власти к роли “брокеров”, примиряющих институциональные интересы внутри системы), не соответствует действительности и игнорирует принципиальные различия между ролью высшей государственной власти в “плюралистических демократиях” Запада и в брежневском СССР. Как доказывали авторы, партия и ее руководств СССР не только сохраняли, но и всячески укрепляли свои властные полномочия и играли исключительно активную роль в процессе выработки и принятия решений. Заинтересованные группы в СССР не автономны и не независимы, но являются органической частью системы и действуют по ее правилам. А это уже принципы не плюралистической, а корпоративной модели. Корпоративизм, - писали они, - это такая система принятия решений, при которой наиболее влиятельные заинтересованные группы инкорпорированы в политический процесс государством и его лидерами. Сам факт советского планирования, заявляли они, противоречит принципам

плюралистического взаимодействия, которое исключает директивное начало.

Однако и авторам корпоративной модели не удалось избежать весьма распространенных тогда среди значительной части советологов иллюзий относительно возможностей и перспектив “реального социализма”. Они полагали, что, покончив с произволом, бесконечными реорганизациями и конфликтами хрущевского правления, брежневский режим существенно укрепил и “успешно переориентировал” систему, превратив ее в “хорошо смазанную машину, способную добиваться быстрого экономического роста, укрепления государства благосостояния, расширения участия масс” и в конечном итоге даже стать “моделью будущего”.

В своем оптимизме Брус и Эхолс значительно опередили своих оппонентов - плюралистов, которые выражали серьезные сомнения по поводу способностей системы к эволюции в направлении “демократического” плюрализма и предвидели немало трудностей на этом пути.

Думается, что подобная завышенная оценка “советского” корпоративизма во многом объяснялась, помимо прочего, и тем, что время ее появления совпало с весьма распространенным тогда среди разработчиков корпоративной модели прогнозом относительно грядущей “эры корпоративизма”, которая, как полагали некоторые из них, не будет основана ни на капиталистических, ни на социалистических началах.

Естественно, что дискуссия относительно характера и типологии советского режима на этом не закончилась, тем более, что реальная ситуация в СССР в конце 70-х - начале 80-х гг. не давала уже никаких оснований даже для самого осторожного оптимизма.

Что касается “плюралистической” модели, то она стала подвергаться критике даже со стороны тех, кто с большей или меньшей решимостью отвергал тоталитарный характер постсталинского

режима в СССР. Так, в упоминавшемся уже сборнике “Плюрализм в Советском Союзе” практически все авторы, за исключением Дж.Хафа, ставили под сомнение правомерность применения плюралистической модели к посттоталитарному и постсталинскому СССР и выступали против упрощенных сравнений, за более глубоко-кое изучение “уникального опыта советской системы” [13].

Редактор и автор вступительной статьи сборника С.Соломон предостерегала против того, чтобы с помощью американских и западноевропейских концепций исследовать советскую реальность.

Что касается сторонников тоталитарной модели, то они, признавая определенную эволюцию режима в послесталинский период, попытались уточнить свою формулу такими определениями, как “тоталитаризм без террора”, “командное общество”, “монистическая система”, “идеологическая система” и т.д. и т.п. Наиболее убежденные “тоталитаристы”, однако, продолжали придерживаться точки зрения, что в своей основе режим остался тот же и коренных, качественных изменений, позволяющих пересмотреть саму концепцию, не произошло.

Продолжала, хотя и в значительно ослабленном виде, сохраняться и “плюралистическая школа”. Уже после конца “эры Брежнева” советолог Хан опубликовал книгу “Советские корни: участие граждан в местных органах власти”, в которой попытался в сравнительном плане проанализировать системы взаимодействия заинтересованных групп и государства в странах Запада, СССР и Восточной Европы. Он с оговорками заявил, что “плюралистический тезис относительно системы власти в либеральных демократиях и моделях институционального плюрализма в социалистических странах представляется правомерным” и что заинтересованные группы бизнеса и бюрократии “обладают колоссальными преимуществами

независимо от того, организованы ли они на основе частной собственности или же административно-плановой иерархии» [14]. Отдавая предпочтение (хотя и не безоговорочно) плюралистической модели, автор отвергает «тоталитарную модель», в рамках которой якобы «в принципе невозможна артикуляция интересов» [15]. Почти столь же безапелляционно и его суждение о «корпоративистской модели».

Особое мнение имеет американский биограф Хрущева Э. Крэншоу. Автор убежден, что произошел заговор, организованный политическими противниками с участием силовых структур СССР [16]. По мнению Крэншоу, заговор состоялся в период пребывания Хрущева на отдыхе и приобрел характер политической отставки. Автор приводит формальные аргументы, озвученные в докладе М.А.Суслова, однако описывает ситуацию типичную для поражения: сторонники разобщены, противник слишком силен, в лагере побежденного подавленность и растерянность [17]. Идея заговора повторена в другом фундаментальном издании – книге Дж. Хоскинга [18]. Основной причиной поражения Хрущева автор считает разочарование в своем лидере среднего руководящего звена – первых секретарей обкомов партии, которые были опорой Хрущева во время попытки его устранения с поста Первого секретаря ЦК КПСС в 1957 г. Следует, правда, отметить имеющиеся неточности в книге. Так, автор утверждал, что Хрущев был вызван из Крыма, хотя известно, что он находился на Кавказе [19].

Октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС знаменовал собой начало нового витка советской истории. В высшем эшелоне управления окончательно обосновались представители «третьего поколения» советских руководителей. Старт карьеры многих из них так или иначе был связан со сталинской кровавой «кадровой революцией» конца 30-х гг., когда формировался новый аппарат взамен прежнего, подвергнутого уничтожению в

1937 г. Новые руководящие работники прошли школу воспитания уже внутри сталинской системы, составив костяк поколения «аппаратчиков», выращенных в результате долговременной кадровой селекции, осуществленной диктатором. Вместе с Хрущевым ушло в политическое небытие особое поколениеруководителей — они тоже были аппаратчики, но аппаратчики не совсем типичные — от них еще веяло духом революции, они были «бойцами», «солдатами партии» и ощущали себя участниками «похода за светлое будущее всего человечества». Место «бойцов партии» заняли «исполнители» — люди, часто безликие, в значительной мере отученные принимать самостоятельные решения и брать на себя ответственность, рисковать и упорно добиваться крупных целей. Для них двойная мораль, перманентная аппаратная интрига стали едва ли не нормой бытия, а разрыв между словом и делом — условием выживания. И когда надвинулось время ответственных действий, большая часть новых руководителей оказалась к ним просто неготовой, что в значительной мере и предопределяло половинчатый, зигзагообразный характер политики послехрущевского руководства. Здесь необычайно возростала роль первого лица в составе высшего эшелона администрации.

Подводя итоги изучению позиций различных авторов по поводу отставки Хрущева, следует заметить, что для большинства исследователей эта отставка имела большое значение. Сам факт политической отставки первого лица в государстве, которое ранее занимало свой пост пожизненно, свидетельствовал о существенных изменениях в политической системе СССР. Ряд исследователей сочли нужным отказаться от тоталитарной концепции применительно к СССР постсталинского периода. Для других — отставка Хрущева — результат заговора, обдуманного и тщательно спланированного его недоброжелателями. Следовательно, сам

заговор и его последствия никакого влияния на политическую систему Советского Союза не оказали.

Примечания

1. Политическая история советского общества. Ростов-на-Дону, Вып. 8. – 1991. – С. 51.
2. Свети тени “великого десятилетия”. Н.С. Хрущев и его время. – Л.: Лениздат, 1989. – С. 429.
3. Там же. – С. 430-431.
4. От оттепели до застоя [Сб. воспоминаний / Сост. Г.В. Иванова]. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 127.
5. Медведев Р.А. Н.С. Хрущев: Политическая биография. – М.: Книга, 1990. – С. 245.
6. Бурлацкий Ф.М. Н. Хрущев и его советники – красные, черные, белые. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 358-360.
7. Brzezinski Z., Huntington S. Political power: USA/USSR. – Viking Press. – 1969.
8. The Khrushchev Era (1953-1964) / M. McCauley. – Longman, 1995; The Soviet Union under Brezhnev. 1964-1982 / W. Tompson. – Longman, 2000; Bialer S. Stalin's successors: Leadership stability and change in the Soviet Union. – Cambridge, 1980. – 312 p.; Conquest R. Russia after Khrushchev. – N.Y., 1965. – 267 p.; Shapiro L. The Government and politics of the Soviet Union. – Lnd., 1979. – 192 p.
9. Scilling H. Interest groups and communist politics. // World politics. 18:3 (April 1966).
10. Hough J. The Soviet prefects: The local party organs in industrial decision-making. – Cambridge, 1969. – 416 p.
11. Ibid. – P. 210.
12. The Soviet Union: A half-century of communism / Ed. by K. London. – Baltimore, 1968. – 493 p.
13. Limits to Soviet Power / Ed by R. Morton. – Lexington, 1982. – 230 p.
14. Hahn G.W. Soviet grassroots: Citizen Participation in Local Soviet Government. – Lnd., 1988.
15. Ibid. – P. 116.
16. Ibid. – P. 118.
17. Crankshaw E. Khrushchev: Career. – N.Y., 1966. – P. 285-286.
18. Hosking G. The first Socialist state. Cambridge, 1985. - P. 366.
19. Ibid. – P. 368.